

Д.х.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

95 5
Веб-публикация: Vive Liberta, 2014

3

1948

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Волгин В. — К 100 летию «Манифеста Коммунистической партии»	5
Шустер У. — Познанское восстание 1848 года	16
Захарова М. — О генезисе идей Томаса Джефферсона	40
Пажитнов К. — К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века	60

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Беккер И. — Декабристы и польский вопрос	65
Рыськин Б. — Смерды в областях немецкой колонизации XI—XIII веков	71
Кунина А. — Из истории империалистической экспансии США в Европе после первой мировой войны	80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические обзоры

Ильин С. — Против искажений биографии А. В. Суворова	93
Покровский С. — Фальсификация истории русской общественной мысли	100
Манфред А. — «Замогильные записки»	106
Родов Б. — Из истории японо-американских отношений накануне Тихоокеанской войны	113

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Иванов Л. — И. Берхин. Луганская большевистская организация в период первой русской революции	119
Бак И. — Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I	120
Тарле Е. — Проф. О. Л. Вайнштейн. Россия и Тридцатилетняя война	123

Всеобщая история

Россейкин Ф. — «Византийский Временник». Т. I (XXVI)	127
Корсунский А. — Брюнинг Г. «Письмо»	134
Гуревич А. — К. Стефенсон. Средневековый феодализм	140
Коган М. — Уайт Е. Социальная критика в народной религиозной литературе XVI столетия	144

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Н. У. — О втором издании первого тома учебника по истории СССР	146
Бондарь Н. — В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)	154
За рубежом	156
Письмо в редакцию	159

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (главный редактор), Е. Н. Горюцкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, З. В. Мосина, А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров, В. М. Хвостов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 552.

Тел. Д 3-31-04.

А — 03081. Изд. № 243.

Заказ № 300.

Тираж 33.600 экз.

Подписано к печати 24/III 1948 г.

10 печ. л.

68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

СООБЩЕНИЯ и ПУБЛИКАЦИИ

все материалы

о революционном движении в России:

<http://vive-liberta.diary.ru/p196653819.htm>

ДЕКАБРИСТЫ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Иосиф Исаакович Беккер

События 1812 г., заграничные походы русских войск, пребывание русских людей в родственных славянских странах — Польше, Чехии, Моравии — всё это оказывало огромное влияние не только на русский народ, но и на все славянские народы, усиливая стремление к национальному и культурному возрождению и единению этих народов между собою. Это стремление проявлялось по-разному. Здесь и движение за установление личного и научного контакта между учёными различных стран и организация масонских обществ, где русские и поляки чувствовали впервые пытались найти общий язык. Отражением этого стремления к славянскому единству явилось также и усиление интереса к польскому вопросу, который стали обнаруживать русские люди того времени. Этим вопросом особенно должны были интересоваться те передовые русские офицеры, которые служили в войсках, расположенных в «присоединённых от Польши губерниях», где польский элемент занимал доминирующее положение в общественно-политической жизни и где польский язык и польская культура были господствующими.

В русском обществе¹ и особенно среди передовых русских офицеров — будущих декабристов — оживлённо обсуждалась польская политика Александра I. Единодушия и общего мнения по этому вопросу не было. В то время как М. Ф. Орлов был «удручён известием о восстановлении Польши», ибо считал, что «оное восстановление будет истинным несчастьем для России», его друг Н. И. Тургенев упрекал Орлова «в узком патриотизме, патриотизме раба».

¹ Ещё в 1815 г. (4 апреля) во время Венского конгресса генерал-адъютант Чернышёв в своём всеподданнейшем письме писал Александру I: «Дабы Россия в благородных успехах своих явилась и в 1815 году такою же, какою была в 1812 году, — весьма существенно, кажется мне, чтобы ваше величество вызвали её на то посредством обнаружения своих великодушных намерений, которые могли бы польстить самолюбию нации и которые, в особенности, отняли бы у неё всякое опасение, чтобы конституция, которую ваше величество собираетесь дать Польше, есть знак предпочтения; в народе, столь ревнивном к отеческой привязанности своего государя, и государя любимого, одного опасения того было бы достаточно, чтобы произвести некоторое уныние». Архив Академии наук СССР. Ф. ак. Дубровина.

Дав русской Польше конституцию, царь, как известно, не обнаруживал желания сделать то же по отношению к России. Молодые энтузиасты свободы считали такую политику царя изменой России, ярким доказательством его презрительного отношения к своему народу и даже желанием опереться на поляков на случай революции в России. Об этом говорил в своих показаниях во время следствия над декабристами член созданного в 1816 г. Союза спасения Д. Якушкин: «В 1817 году... был я вместе с другими сочленами приглашён на особенное совещание, назначенное по случаю чрезвычайных известий, полученных из Петербурга. На сем совещании один из членов сообщил другим письмо... которое заключало в себе извещение, что будто бы покойный государь-император, дав конституцию Польше, учредив отдельный Литовский корпус, присоединяя польско-русские губернии к Царству Польскому, старается сим привлечь к себе привязанность поляков, дабы иметь в них верную опору, в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений»². Ещё более резко высказывался А. М. Муравьёв: «Польша получила конституцию, Россия же в награду за героические усилия 1812 года получила военные поселения»³. «Ведь нельзя же было отказать России в том, что было даровано Польше»⁴, — негодовал Д. И. Завалишин. А. В. Поджио считал дарование Польше конституции и речь Александра I при открытии польского сейма оскорблением «духа народного», оскорблением, которое вызвало «ревность в сердцах русских патриотов». «Присоединённой Польше он даровал конституционные установления, которых Россию почитал недостойною»⁵, — писал с негодованием Фонвизин. Особую позицию занимал Тургенев. Впоследствии в своих «Записках изгнанника» он писал: «Я никогда не разделял мнения врагов всякой конституции, а тем более тех, которые видели в даровании Польше конституции обиду и унижение для рабской России. Я радо-

² «Восстание декабристов». Центархив, т. 3, стр. 52—53.

³ Декабрист А. М. Муравьёв «Записки», стр. 18.

⁴ Завалишин Д. «Записки декабриста», стр. 111.

⁵ «Общественное движение в России», стр. 183.

вался уже тому, что на свете стало больше одной конституцией, если только можно сказать, что она действительно там существовала»⁶. Однако в разгар событий и он, повидимому, был настроен иначе. По крайней мере, в своём дневнике 28 марта 1818 года, записывая свои впечатления от речи Александра на польском сейме, он тут же отмечал: «Одно печально: чистейшая вода, проходя чрез нечистые водопроводы, делается невкусной. Что если свобода придёт в Россию через Польшу?»

С каждым годом усиливались свободолюбивые настроения среди русской молодёжи, особенно той части её, которая входила в тайные общества или примыкала к ним. Массла в огонь подлила испанская революция. «Слава тебе, славная армия гишпанская! Слава гишпанскому народу! Во второй раз Гишпания доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству!» — восклицал Н. И. Тургенев в своём дневнике⁷.

Борьба за свободу была проникнута «духом народным», идея политической свободы соединялась с идеей национальной независимости. Русские патриоты, возмущавшиеся Александром I, который ради Священного союза и династических интересов был готов жертвовать интересами русского народа и национальной независимостью угнетаемых народов, горячо симпатизировали и немецким революционерам, и итальянским карбонариям, и греческим патриотам, и вообще всем борцам за свободу. «Имя Меттерниха произносилось с презрением и ненавистью, революция в Испании с Риго во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда, приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были и другие, безотчётно следовавшие за потоком»⁸, — вспоминал декабрист А. Беляев.

Будущие декабристы теснейшим образом связывали судьбу населяющих Россию народностей, и в первую очередь самой многочисленной — польской, с вопросом о будущем государственном устройстве России после победы революции. Так, Никита Муравьёв в своём проекте конституции, которая «удовлетворяла бы всем условиям и согласила величие народов и свободу граждан», не включал Польшу в состав держав и областей будущей федеративной России.

Пестель в своей «Русской Правде», исходя из «права благоустройства», решительно отказывая многим народностям России в праве на самоопределение, по-иному ставил вопрос о Польше: «Она могла бы и ныне сильное получить существование, если бы соединила опять в общий государственный состав все свои части, разобранные могущественными соседями. Из сего явствует, что

в отношении к Польше право народности, по чистой справедливости, должно брать верх над правом благоустройства. Да и по-лименно, великодушию славного российского народа прилично и свойственно даровать самостоятельность низверженному народу в то самое время, когда Россия и для себя стяжает новую жизнь. Итак: по правилу народности, должна Россия даровать Польше независимое существование. Но окончательное определение границ между Россией и Польшей должно быть предоставлено правилу благоустройства для России, и должно сие самостоятельное восстановление Польши устроено быть на таковых началах и условиях, которые бы в полной мере обеспечивали Россию на будущие времена на счёт всяких действий, могущих быть противными твёрдой её безопасности или совершенному её спокойствию».

Поэтому, по мнению Пестеля, Временное Верховное Правление должно будет даровать Польше независимое политическое существование как отдельному государству, но с соблюдением следующих условий

- 1) Чтобы границы между Россией и Польшею определены были между Российским Правительством по правилу благоустройства для России и Польша бы сему определению границ ни в каком отношении не прекословила и приняла бы оное за неизменный закон коренной.
- 2) Чтобы восстановление Польского Государства последовало не чрез собственное отторжение Польши от России, но чрез правильную сдачу Российским Временным Верховным Правлением губерний, предназначенных к отделению в состав Польского Государства, новому Польскому Правительству, оставляя их все в теперешнем положении до воследования сей сдачи, которая по утверждении всех условий немедленно исполнена быть имеет.
- 3) Чтобы между Россией и Польшей заключён был тесный союз на мирное и военное время, вследствие коего бы Польша обязалась всё войско своё присоединить на случай войны к Российской армии, дабы тем в полной мере доказать, что благодеяние, Россией Польше оказываемое, сие последняя с должной признательностью принимает и чувства искренней дружбы и преданности к России питает и всегда питать будет. Зато берёт Россия Польшу под своё покровительство и служить будет ей ручательством в неприкосновенности её пределов, а тем паче её существования. Наконец,
- 4) Так как сношения между государствами производятся через посредство их правительств и потому твёрдость и дух сих сношений преимущественно зависит от образования правительства, то чтобы вследствие сего само устройство Польского Государства служило России залогом и обеспечением, а потому и постановляются главными условиями сего устройства без коих не должна Россия даровать Польше независимости, следующие три: А) Верховная власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом, как и в России, на основании 6-й главы «Русской Правды». Б) Назначение и выбор всех лиц и чиновников во все правительственные и при

⁶ Тургенев Н. «Россия и русские». Ч. I. стр. 54. Первое русское издание. М. 1907.

⁷ Архив братьев Тургеневых. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг. Т. III, стр. 121, 225. Сев 1921.

⁸ Беляев А. «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном», стр. 155. СПб. 1882.

существенные места должны происходить по тем же точным правилам в Польше, как и в России, на основании 4-й и 9-й глав «Русской Правды» и В). Всякая аристократия, хоть на богатствах и имуществе, хоть на привилегиях и нравах родовых основанная, должна совершенно навсегда быть отвергнута, и весь народ Польский — одно только, сословие составлять»⁹.

Вопрос о будущих судьбах Польши занимал и другого видного декабриста, М. С. Лунина. Как адъютант Константина Павловича, Лунин имел возможность близко ознакомиться с политической жизнью Польши, с настроениями польского общества. Повидимому, он, по мере своих возможностей, противодействовал проводившейся в Польше системе Новосильцева и, судя по его собственным словам, видел губительность этой системы. Лунин не имел возможности тогда изложить своё мнение по польскому вопросу. Он это сделал впоследствии в Сибири в написанном им в 1840 году «Взгляде на польские дела». Подробно на польском вопросе Лунин остановился также в письме к сестре от 5/17 ноября 1839 года: «Поляки — братья нам по происхождению, наша передовая страна по географическому положению и естественные союзники, несмотря на домашние споры между нами. Нужно такое же «сплавление», как между англичанами и шотландцами, чтобы совершилось предопределение и чтобы мы могли занять место, назначенное нам среди народов европейских»¹⁰. Но это «сплавление», как утверждал Лунин, ни в коем случае не должно достаться путём насилий. «Русские никогда не помышляли о покорении своих братьев, никогда не намеревались навязывать им законы или приписывать себе социальное или политическое превосходство». «Сплавлению» обоих народов благоприятствуют даже географические условия: «Нет ни гор, ни рек, нет никаких географических признаков, которые могли бы послужить естественными границами обоих государств... климат, естественные произведения, виды промышленности и предметы торговли почти одинаковы. Нравы, обычаи, навыки, наклонности похожи друг на друга. Оба языка, происшедшие из одного корня, понимают с одинаковой лёгкостью в обоих странах... Всё как будто призывает оба народа побраться»¹¹.

В своём «Взгляде на польские дела» Лунин вспоминал своих друзей — «естественных представителей русского народа» (Пестеля, Сергея Муравьёва, Бестужева-Рюмина), которые говорили полякам, что «единственная надежда на успех заключается в союзном договоре с русскими», тем более что для объединения русского и польского

народов «не нужно ни ломать, ни расчищать почвы прежде, чем строить. Здание их волею воздвигается без потрясений и волнений... Они кажутся предназначенными начать новую социальную эру... и одухотворить политическую жизнь, вернув волю, права и гарантии к их истинному источнику». «Только подав друг другу с открытым сердцем руки, — писал далее Лунин, — они смогут овладеть орудиями взаимного влияния, которое народы оказывают друг на друга во имя всеобщего прогресса человечества».

Первую попытку «подать друг другу руки с открытым сердцем» и осуществить мечты Лунина о «сплавлении» сделали создатели Общества соединённых славян, русские братья Борисовы и поляк Люблинский, говорившие: «Лучше будет искоренить ненависть, которую питаем друг к другу... ибо мы есть славяне и из одного племени происходим»¹². Созданное ими Общество соединённых славян ставило своей целью объединение и освобождение от самовластия не только русского и польского, но и всех славянских народов, уничтожение существовавшей между некоторыми из них национальной ненависти и объединение в федеративном союзе, при сохранении за каждым государством полной возможности «заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений», и иметь конституцию, «приличную» именно данной стране¹³.

Общество соединённых славян было пионером в деле объединения русских и поляков во имя общей цели. Оно не было одиноким. К той же цели стремились и другие представители русских и польских тайных обществ, разрывавших свою деятельность в России и Польше. В своих показаниях варшавской следственной комиссии руководители Польского патриотического общества граф Солтык и полковник Крыжановский даже точно определили время — 1820 год, когда среди поляков, членов Патриотического общества, возникла мысль о необходимости установить контакт с членами русских тайных обществ. Немного позже такое же стремление обнаружили и члены русских тайных обществ. С. Муравьёв удостоверяет, что на совещании членов Южного общества в 1823 году «предложено было Бестужевым воспользоваться положенным Русской Правдой возвращением полякам независимости, с частью бывших её провинций, для составления связи с тайным польским обществом, буде таковое существует»¹⁴. Предложение Бестужева было одобрено, и проведение его в жизнь было поручено ему и С. Муравьёву.

Встреча обеих сторон состоялась лишь в 1824 году и привела к весьма незначительным результатам. Объясняется это тем, что между русскими и польскими тайными обществами, по существу, было мало общего. В то время как декабристы стремились к

⁹ Пестель П. «Русская Правда», «Наказ Временному Верховному Правлению», стр. 18—20. СПб. 1906.

¹⁰ «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма», стр. 53, П. 1923.

¹¹ Лунин М. Взгляд на польские дела в книге С. Я. Гессена и М. С. Когана. «Декабрист Лунин и его время», стр. 259, Л. 1926.

¹² Нечкина М. «Общество соединённых славян», стр. 26. 1927.

¹³ Там же, стр. 105.

¹⁴ «Восстание декабристов». Центархив. т. IV, стр. 281—283.

политическому перевороту, вождь польского Патриотического общества граф Солтык (как он показывал после своего ареста), «узнав о намерении российских военных начать революцию... через черн и сборище самого простого народа... и будучи неприятелем всяких революций... предсказывал ужаснейшие последствия», что, по его мнению, последующие события и подтвердили

«Начали оную (т. е. революцию) междоусобной войной, и погибло несколько сот человек. Если бы им посчастливилось, верно, погибли бы сотни и тысячи, и честь Государства Российского оставалась бы в развалинах и пепелищах».

Для достижения своих целей декабристы допускали и цареубийство, а граф Солтык утверждал, что «мы, поляки, гордимся верностью и привязанностью к нашим государям, и история не представляет примера, чтобы поляк поднял руку на своего короля»¹⁵. Такие показания Солтык давал после своего ареста, однако почти в таких же выражениях о цареубийстве говорил наиболее, повидимому, революционно настроенный член Патриотического общества Крыжановский во время своих переговоров с Бестужевым и Муравьевым. По словам Яблоновского, «поляки единственно желали сохранить в стране нашей дух народности (национализм), дабы в случае могущих приключиться в Европе перемен мы могли воспользоваться удобным временем для восстановления нашей независимости»¹⁶. Революция в России, по его словам, интересовала поляков лишь постольку, поскольку она могла быть «благоприятнейшая нам для сей цели». Вообще же как Яблоновский при своих переговорах с Пестелем, так и Крыжановский при переговорах с Бестужевым и Муравьевым весьма скептически относились к их горячим речам против деспотизма и в защиту республиканского строя. Первый считал всё это «излишними рассуждениями о всеобщей политике», а второй — просто отвёл все разговоры о форме правления как ненужные, «ибо мы никогда о таких предметах не говорили»¹⁷.

Декабристы ставили своей целью коренное преобразование России, их польские партнёры имели перед собой лишь одну цель — «сохранить национальность в частях древней Польши: сохранить древние обычаи, привычки, всё то, что могло заставить поляков, хотя подвластных разным державам, считать себя разбросанными одного целого членами, кои могли когда-нибудь, по каким-либо обстоятельствам, соединиться. и не допустить, чтобы погасло между ними желание о восстановлении Польши», или, как Яблоновский заявил в другом своём показании, «нашим предметом была не свобода, а народное вдохновение».

Не удивительно поэтому, что главари Патриотического общества боялись связать

себя каким-либо образом с русскими, и Крыжановский точно определял позицию поляков, заявив, что, вступив в переговоры с представителями русских тайных обществ, он «не имел ни позволения, ни права входить в какие-либо с ними сношения, постановления, переговоры». Поручив Яблоновскому ведение дальнейших переговоров с русскими, Крыжановский поставил перед ним задачу — «стараться по возможности разведать о Российском союзе, что Российское общество помышляет», но «не входить ни в какие договоры, ни в какие обязательства». «Если к этому ещё прибавить ужасную недоверчивость», существовавшую, по словам Бестужева, между поляками и русскими, то будет понятна атмосфера, при которой произошла во время киевских контрактов 1824 года первая встреча представителей русских и польских тайных обществ, точнее, между представителем Патриотического общества, полковником лейб-гвардии польского Конно-Егерского полка Крыжановским, с одной стороны, и Бестужевым-Рюминым и Сергеем Муравьевым — с другой.

После своего ареста Бестужев-Рюмин утверждал, что он был уполномочен не только вести переговоры, но и заключить договор. «Вот в чём он состоял», — прибавил он и подробно его изложил: «С нашей стороны: 1. Россия предпочитает иметь благодарных союзников на место тайных врагов, по окончании своего преобразования отдаёт независимость Польше. 2. Будет сделано новое начертание границ, а области, неудовольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России, возвратить Польше. 3. При сём, кроме народности, будут наблюдать также и местные выгоды, кои останутся на стороне России, дабы она имела хорошую военную границу. 4. Поляки могут также надеяться получить губернию Гродненскую, часть Виленской, Минской и Волынской. 5. С утверждением договора сего Русское общество будет оказывать покровительство полякам, имеющим дела в России. буде оные справедливы. 6. Общество русское всеми мерами будет стараться искоренить ненависть, существующую между обоими народами, представляя, что в просвещённом веке, в котором мы живём, польза всех народов одинакова, а закоренелая ненависть есть принадлежность времён варварства». 7. Для дальнейших сношений с обеих сторон назначаются депутаты, порученности коих будут состоять в том: «1-е. Передавать своим директориям всё, что будет дано знать одним обществом другому или что одним у другого потребуется. 2-е. Депутаты только будут уведомлять Русское общество о том, что происходит в Европе. 3-е. Строго запрещается депутатам называть или требовать, чтобы называли кого-либо из членов обоих обществ. 4-е. В случае, что русский депутат познакомится с членами Общества польского или депутат польской с членами Русского общества, то отнюдь не открывать, что оба общества вступили в сношения. 5-е. Да происходит всё между депутатами посредством депутатов. 6-е. Депутаты ни на что согласиться и

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 5. Деп. Сената. Дело П. Мошинского, где имеется копия показаний П. Солтыка.

¹⁶ Там же. Показания Яблоновского от 9/21 февраля 1826 года.

¹⁷ Там же. Показания Крыжановского.

ничего обещать без соизволения на то своих директорий».

Со стороны поляков: «1. Поляки обязываются все меры употребить какого бы то рода ни было, дабы великий князь Константин Павлович не мог возвратиться в Россию. 2. Восстать в одно время с нами. 3. Итти против Литовского корпуса, буде он объявит себя против нас. 4. Подавать нам все помощи в их возможностях состоящих. 5. Устроить сношения между нами и прочими политическими обществами, существующими в Европе. 6. Уведомлять нас о всех важных вещах, колы скоро они дойдут до их сведения. 7. Действовать в продолжение революции таким образом, какие им предпишется нашим Обществом, коему они признают себя подвластными. 8. Принять правление республиканское».

Бестужев далее показывал, что «по утверждению договора» были назначены депутаты и только статья о границах «до конца самого доведена не была». Однако это утверждение Бестужева о заключении договора решительно опровергается всеми виднейшими членами Южного общества, а также и вторым участником переговоров, С. Муравьевым. Муравьев решительно заявлял, что «во время переговоров с Крыжановским мы о границах России и Польши не говорили ни слова и нарочно удаляли вопрос сей, могущий произвести лишь распри между нами и ими, и пока сношения сии были в руках наших, мы не отступали от сего правила»¹⁸. А Пестель даже утверждал, что «сам Бестужев неоднократно говорил, что он ведёт сношения с поляками более в виде частного, личного знакомства с депутатами, нежели официальным образом от общества к обществу»¹⁹.

Как мы увидим ниже, Бестужев в своих показаниях часто утверждал факты, которые категорически отрицались другими. Вообще, по его показаниям, создаётся впечатление, что он, убедившись в разгроме движения, старался как бы усугубить свою вину и поэтому приписывал себе действия, которые могли и действительно привели его к виселице. Как бы то ни было, хотя Бестужев и дал Следственной комиссии подобие точной копии договора, заключённого якобы им вместе с Муравьевым и Крыжановским, судя по всем данным, такового договора не было. Наличие его отрицали, как мы видели, и Муравьев, и Пестель, и Крыжановский. Последний отрицал даже самую возможность заключения такого договора по двум причинам: во-первых, потому, что он не был уполномочен на такой шаг, и, во-вторых, потому, что, по его мнению, «трудно будет и много времени будет потребно уговорить поляков ко вступлению с ними в союз и ещё более, чтобы они оказали в том свою доверенность».

Но независимо от того, был ли заключён договор, встреча состоялась, и поляки получили возможность ознакомиться с тем, как и какими методами мыслили в России разрешение польского вопроса. На Крыжанов-

ского встреча с русскими революционерами произвела большое впечатление. Хотя он и пытался охладить пыл своих русских собеседников, особенно Бестужева, и даже заявил ему, что тот «говорит лишнее», но всё же Яблоновскому он сообщил, что, «судя по всему им слышанному, ему кажется, что русское Общество... должно иметь множество отраслей и большое влияние между войсками и что русские офицеры, которые прежде устранились от поляков, ныне ищут близкого с ними знакомства»²⁰.

На киевском совещании было решено продолжать встречи «для сообщения могущих случиться обоюднo требований или уведомлений» и даже были избраны депутаты, однако поляки не спешили выполнить это условие. В своих показаниях Следственной комиссии Бестужев рассказывал, что, заметив, как поляки уклоняются от встреч, он по собственной инициативе дважды выдвинулся с одним из выбранных польских депутатов, Гродецким, и жаловался ему «на явное их (поляков) отклонение от нас и нерадение давать сведения ни о чём важном». Пестель, по его словам, выразил даже опасение, не готовится ли со стороны поляков измена общему делу, нет ли у них сговора с Константином Павловичем. Только через год, во время киевских контрактов 1825 года, в Киев явился для дальнейших переговоров новый представитель Патриотического общества, уже упомянутый нами камер-юнкер польского двора, князь Антон Яблоновский. Прибыл он в Киев опять-таки с весьма ограниченными полномочиями, о чём, кстати сказать, не сообщил своим русским партнёрам в переговорах — Пестелю и князю Волконскому.

Переговоры с Яблоновским продолжались, по словам Пестеля, «не более одного часу». В них принимали участие четыре человека (Пестель, Волконский, Яблоновский, Гродецкий). Все они давали потом об этих переговорах подробнейшие, но противоречивые показания, поэтому никак нельзя установить точно, к чему их переговоры привели. По словам Пестеля, и на этот раз «происходили разговоры и переговоры, но условий никаких заключено не было. Предметы разговора были: 1) независимость Польши — о независимости сказано глухо, а о губерниях литовских, Белостокской, Волынской и Подольской ни слова не было упомянуто; 2) взаимное содействие на случай внешней войны; 3) одинаковый образ правления; 4) поступить им с цесаревичем так, как поступлено будет с прочими великими князьями; 5) уведомлять им нас о всех своих сношениях с прочими тайными союзами в Европе и с Англией и никаких обязательств ни с кем не заключать без предварительного нашего согласия»²¹.

Вопрос о русско-польских границах особенно интересовал Следственную комиссию. Она неоднократно допрашивала об этом Пестеля, но тот упорно и настойчиво повторял, что о независимости Польши «глухо

¹⁸ «Восстание декабристов». Центрархив, т. IV, стр. 281—283.

¹⁹ Там же, т. IV, стр. 164—165.

²⁰ ЦИАЛ, ф. 5 Деп. Сената. Дело П. Мошинского.

²¹ «Восстание декабристов». Центрархив, т. IV, стр. 85—86.

Наконец сеймовый суд закончил разбор дела. Вопреки надеждам Константина Павловича, суд оправдал почти всех подсудимых. Даже те из них, кто, как, например, Крыжановский, был приговорён к трём годам тюрьмы, должны были быть немедленно освобождены, ибо было зачтено продолжительное предварительное тюремное заключение. Приговор вызвал крайнее негодование как Николая I, так и Константина Павловича. «Несчастные, они спасли виновных, но погубили отечество», — воскликнул Николай I. Вспыльчивый и невожатый Константин в письмах царю употреблял по адресу Сената и Сейма грубейшие ругательства и брань.

Вопреки решению сеймового суда, оправданных не освободили. Административному совету Царства Польского было повелено вынести своё заключение по поводу приговора суда и поведения Сената. Сенаторам запретили выезжать из города. Но Административный совет пришёл к заключению, что приговор суда следует приписать не злонамеренности его членов, а неудовлетворительности существующих уголовных законов, т. е. фактически оправдал решение сеймового суда как основанное на неувольнительном, но существующем законе.

Константин Павлович распорядился отправить обратно в Петербург всех подсудимых, как граждан Царства Польского, так и русских подданных, подлежавших суду Сената.

Правительствующий Сенат действовал быстрее варшавского. Он имел перед собой тщательно проведённое законченное следствие в Варшаве, и ему оставалось только удостовериться «в подлинности, непринуждённости и точной силе» всех данных раньше показаний, а это не требовало большого труда. Дополнительное следствие было произведено только для формы. Вскоре превращённое в суд объединённое заседание 5-го департамента Сената вынесло всем обвиняемым приговор, который по своей суровости не уступал приговору Верховного суда над декабристами. Все подсудимые были приговорены к лишению дворянства, чинов, орденов, а кто имел — графского и княжеского достоинства и к ссылке на каторжные работы на разные сроки: от 12 лет до одного года.

Когда огромный доклад 5-го департамента Сената поступил к Николаю I, тот распорядился, чтобы всё дело было передано Блудову и генерал-адъютанту Адлербергу, которые должны были составить вкратце «точное и ясное изложение всех существенных обстоятельств дела, разделив и обозначив степень участия каждого». Блудов и Адлерберг рассмотрели дело и нашли необходимым передать заключение 5-го департамента Сената на новое рассмотрение Государственного совета, который вынес новый приговор, менее суровый, чем приговор Сената: 12 человек были освобождены, 9 — приговорены к заключению в крепость сроком от 2 до 8 месяцев, 2 — были отданы в солдаты с выслугой, 4 — сосланы в Сибирь на поселение сроком от 10 до 20 лет.

Решение Государственного совета было утверждено царем, который троекратно уменьшил сроки ссылки, а Яблоновского простил «по уважению лично мне оказанного чистосердечного признания и особенно готовности, с которою помог открыть все отрасли тайных обществ». Одновременно был утверждён и приговор сеймового суда в отношении польских подданных, причём Николай повелел прочесть Сенату Царства Польского выговор, который, как сообщил Константин Павлович царю, «был принят с почтительностью и покорностью, но не с убеждением».

Вспомнили о декабристах поляки в первые же дни восстания 1830 года. Восстание, как известно, началось 17/29 ноября 1830 года, а в первых числах января 1831 года в Варшаве распространялись воззвания Патристического общества с приглашением на панихиду в память мучеников российской свободы — Муравьева, Бестужева, Рылеева, Каховского и Пестеля. 10 января к протоиерею православной церкви в Варшаве Новицкому явились 2 студента с просьбой отслужить панихиду по их родственникам. Новицкий догадался, что эта панихида будет по декабристам, и категорически отказался исполнить просьбу студентов. Желая оградить себя от дальнейших настояний студентов, Новицкий обратился к министру духовных дел революционного правительства, извещенному историком и председателю Патристического общества, Иоакиму Лелевелю с просьбой оградить его от притязаний студентов, но тот «осмелился предлагать ему лестные награды и изливает хитрые убеждения в пользу мятежников».

Несмотря на упорный отказ Новицкого панихида всё же была отслужена. Утром 13 января при большом стечении народа в университет был внесён гроб, на котором были написаны имена казнённых декабристов. Гроб пронесли по залам и аудиториям университета. Отсюда процессия под почётным эскортом студенческой гвардии направилась к православной церкви. Процессия прошла по главным улицам Варшавы, останавливаясь, чтобы заслушать выступления ораторов: адвоката Воловского, профессора Варшавского университета Шармы, депутатов Сейма Гуровского, Козьмяна, Гржимайло, Пулавского, студента Мейснера и других. Впереди процессии шёл Мейснер, который нес на траурной подушке трёхцветную кокарду — символ европейской свободы. Процессию замыкали отряд офицеров национальной гвардии и отряд вольных стрелков. Эта процессия была очень внушительной и произвела большое впечатление.

Когда процессия подошла к православной церкви, оказалось, что протоиерей Новицкий скрылся. «Не застав меня дома», — писал Новицкий в своей оправдательной записке после подавления восстания, — «они тотчас обратились к священникам униатским, которые немедленно явились с клиросом своим в нашу церковь, имея собственную, и вопреки обрядам, над пустым гробом, по

ставленным на катафалк пред ~~целыми~~ русскими вра-
тами.. отпели на злодеев панихиду»³¹.

Весть о варшавской панихиде дошла до
далёкой Сибири, где томились сосланные
декабристы. Один из них, поэт А. Одоев-
ский, откликнулся на это взволновавшее
сибирских узников известие стихотворени-
ем «При известии о польской революции»:

«.Едва дошёл с далёких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них ещё не порвались!
Ещё, друзья, мы сердцем юны.

И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит!
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поёт за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу...»

Среди ссыльных декабристов восстание в
Польше приветствовал не один Одоевский;
декабрист Лунин, например, отмечал, что
«в основе варшавского восстания мы видели
также самоотверженность и патриотический
порыв, который увлекает сердца. Ночь 29
ноября. Лена освещена сиянием свободы»³².

Неоднократно вспоминали поляки декаб-
ристов и в тех воззваниях, с которыми они
обращались к русским воинам. Правда, в
первом таком воззвании, к «братьям рус-
ским», выпущенном 1 декабря 1830 года,
когда власть в восставшей Варшаве находи-
лась ещё в руках аристократии и магнатов,
о царе Николае говорилось в весьма почти-
тельных тонах. Больше того: воззвание да-
же заверяло, что «народ и войнство Варша-
вы вооружилось против служителей негод-
ных доверия своего государя, Николая I...
кого восставшие не перестают почитать».

Но по мере того, как надежды на мирное
урегулирование и ликвидацию восстания ис-
чезали и в Варшаве стали брать верх левые
элементы, воззвания к русским стали при-
обретать иной характер. В следующем, ад-
ресованном также «к братьям русским», воз-
звании уже говорилось о том, что поляки
«борются против тиранства деспотического
правительства». Однако о декабристах з
этих обоих воззваниях ещё не было сказано
ни одного слова. Зато воззвание «Поляки к
россиянам» было так написано, что Дибич
даже заподозрил, не составлено ли оно в
Петербурге, и рекомендовал там поискать
авторов. Воззвание обращалось к русским
солдатам (среди которых оно распространя-
лось), страдающим «в веригах самодержа-
вия», с призывом присоединиться к восста-
нию. Воззвание заверяло, что «первые и
юные герои вашей свободы не вотще про-
лили кровь свою... Они соединили навсегда
сердца двух доблестных, единоплеменных
народов. Они запечатлели великий союз сла-

вянских племён.. Знаменитые тени Бесту-
жских, Рылеевых и Муравьевых взирают на
вас и строго судить вас будут». С огром-
ней симпатией вспоминало декабристов и
воззвание «Доблестные сыны России», вы-
пущенное будто бы в Самаре и будто бы от
имени Ермолова. «В бранных бранях посе-
девший воин, в продолжении четырех царст-
вований узнавший народ и престол», призы-
вает русских солдат вспомнить, «каким ро-
дом казни, доселе неизвестном в России,
Николай Павлович истребил в 1826 году
первых героев свободы нашей за то, что они
вздумали сделать его законным царём сво-
им, царём свободного народа. Но он, оболь-
щён гнусными советниками, предпочел цар-
ствовать беззаконно, обагрив площади и
стоны Петровской столицы кровью её жи-
телей и украсив Петропавловскую крепость
виселищами».

Об этом же вспоминало и воззвание
«К российским войскам», выпущенное, пови-
димому, в апреле 1831 года. Призывая рус-
ских солдат вспомнить, что их заставляют
поднять оружие «против содноземельцев и
одним языком говорящих и составляющих
одно и то же государство», воззвание пред-
лагало русским солдатам и офицерам во-
образить, «сколько уже с вами литвинок
соединилось узами бракосочетания.. сколь-
ко по сему произойшло дружеских связей»
и спрашивало, «можете ли против тех, кото-
рые желают вам добродетельство, воору-
житься». Воззвание указывало далее, что
поляки «вооружаются не против России, ко-
торая происходит от одного племени но
против строгого угнетения, которое само-
державное государя управление наравне к
вам и к нам относится», и вспоминало «про-
шедшее несколько назад тому лет, сколько
в столице не покрылось трауром и поныне
ещё остаётся в слезах несчастной гибели
мужья, братья и сыновья за то, что домога-
лись права.. но власть, возмевшая своё на-
чало под несчастной звездой, должна пре-
кратиться, и небеса божьим пальцем да по-
кажут тирану кровь.. а свобода пусть раз-
деляется одним узлом, поляк и россиянин
пусть отныне будет братом один друго-
му»³³.

Когда восстание было подавлено и поля-
ки, участники восстания, очутившись в
Сибири, декабристы встретили там своих
новых товарищей по несчастью со всем воз-
можным в условиях их жизни радушием и
гостеприимством. «Когда поляки начали при-
бывать за Байкал,— рассказывал С. В. Мак-
симов, — влияние декабристов на комен-
дантское управление было настолько
сильно, что поляки встретили самый мягкий
приём, и комендант не препятствовал дека-
бристам подать им помощь значительными
деньгами, вещами и книгами. Таким обра-
зом, первое пособие поляки получили не от
своих и не из Польши, а из каземата дека-
бристов»³⁴. Это же подтверждали и бежав-

³¹ Центральный военно-исторический ар-
хив. ф. 36 Оп. 9/852. № 163. 1831.

³² «Каторга и ссылка», стр. 269, т. 8—9.
1925.

³³ Центральный военно-исторический ар-
хив ф. Канц. военного министра № 507/50.
1830

³⁴ Максимов С. «Сибирь и каторга»,
стр. 343. СПб. 1900

шие из Сибири поляки Агатон Гиллер и Руфин Пиотровский

О декабристах и об их переговорах с поляками польские эмигранты вспоминали на ежегодных торжествах, которые устраивали в различных городах Западной Европы в память восстания 1830 года. Герцен с признательностью отмечал, что в тяжелые годы николаевщины, когда никто в России не осмеливался вспомнить декабристов, находившиеся в эмиграции поляки были единственными в Европе людьми, упоминавшими декабристов добрым словом. Характерно только то, что на всех этих поми-

нальных собраниях из года в год передавалась легенда о том, что во время переговоров декабристов с поляками был заключен союз, чего, как мы видели, в действительности не было. Легенда об этом союзе, заключенном между представителями революционной России и Польши, делала, однако, доброе дело. Она содействовала укреплению дружественных связей между демократической Польшей и Россией как раз в то мрачное время, когда царское правительство принимало всевозможные меры к тому, чтобы сеять рознь и ненависть между обоими этими народами.

